Истории, которые нельзя забыть ...

Сегодня была война...

Сборник поисково – публицистических студенческих работ.

Почему такое название – «Сегодня была война»?!

Потому что очень хочется говорить и писать о войне в прошедшем времени. Мы живем и учимся на мирной территории, где не слышны разрывы снарядов, не рушатся здания и не гибнут люди – все тихо и спокойно, как и раньше.

Но война рядом, она вплотную подошла к каждому из нас, изменила судьбы многих людей, их взгляды, мысли и сердца!!!

Трагические события, разворачивающиеся в нашей стране, ярко и беспристрастно проявили человеческие качества как всего украинского народа, так и каждого человека.

В нашем сборнике мы рассказываем о реальных людях, которые живут и работают рядом, или которых мы знали ранее.

Одно объединяет наших героев – это бесконечная ЛЮБОВЬ к Украине и способность бескорыстно отдавать свои силы, время, средства, душевное тепло и даже ЖИЗНЬ во имя Родины и своего ближнего!

О таких простых и великих украинцах наши истории, истории, которые нельзя забывать….

Фея с гаубицей

Катя помогает нашей родной 55-тке. Катя – волонтер, вернее даже – ВОЛОНТЕРИЩЕ! С ней я познакомилась весной, когда искала, кому пристроить деньги на бронежилеты.

Хрупкая, с голубыми смеющимися глазами, девушка-статуэтка, с невероятной энергией и бесконечно добрым сердцем.

Все начиналось с одного бронежилета и нескольких пар берцев, а сейчас Катя покупает для передовой берцы уже сотнями, а еще – спальники, бронежилеты, термобелье, медикаменты, инструменты, бензопилы, рации, кабель, фонарики, тенты для машин, продукты, буржуйки, запчасти для реанимобиля и еще много всего разного.

Катя живет для передовой, помощь людям – это способ ее существования. В перерывах между забегами на рынки, склады (там можно купить «как вчера по три, а не по пять») наша фея «отдыхает» – коптит сало, готовит концентрированные борщи для бойцов, плетет маскировочные сети или участвует в организации благотворительных ярмарок для нужд АТО.

Как-то звоню ей, жалуюсь на то, что на вокзале сидят выписавшиеся из госпиталя бойцы, и у них нет денег доехать домой, а того что было у меня, не хватило всем на проезд, и скорее всего, они голодные. Моя Катя бросает дела и через весь город мчится на вокзал с теплыми вещами, едой, купить билеты домой нашим ребятам...

А еще у моей Кати есть большая девичья мечта – подарить нашей запорожской Арте экскаватор… Потому что бойцам-артиллеристам на рытье окопов ни времени, ни сил не хватает, и наши ребята СПЯТ ПРОСТО НЕБА.

Хочу сказать, что у Кати есть надежная поддержка, ее понимает и поддерживает вся семья – от мужа Сергея до крохи Маруси, Катиной дочурки.

Меня, да и не только меня, удивляет, как можно так много отдавать!?

Откуда берутся силы, и, главное, ЛЮБОВЬ, безграничная любовь к людям… Но вопрос этот чисто риторический. Одно я знаю точно – многим людям светлее и теплее жить от того, что есть рядом наша фея…

***

Послесловие: Указом Президента Украины Катю наградили орденом Святой Ольги 3-й степени.

Звоню поздравить её, говорю, что молодец, а в ответ слышу: «А что я?

Если бы не мои ребята, которые здорово помогают: Сережка, Валик, два Виталика, Володя – то я бы так много сделать не смогла».

И еще: пока мы работали над сборником, экскаватор для 55-й бригады был куплен. Эту новость мне Катя сообщила звенящим от радости голосом!

Классно, когда сбываются девичьи мечты!

Никогда не сдаваться

«Я родился в счастливой рубашке!!!» – сказал мне капитан. И с этим утверждением не поспоришь. Действительно, Игорь родился в нескольких счастливых рубашках, потому что, он один из тех немногих, кто вышел живым и невредимым из Иловайского котла. Наша беседа с капитаном, командиром батареи звукометрической разведки 55-й бригады, выполнявшей боевую задачу под Многопольем, что неподалеку Иловайска, состоялась больше чем через полгода после тех трагических событий. Я извинилась перед Игорем за то, что заставила его вспоминать пережитое тогда. На что он мне ответил: «А я и не забывал. Вспоминаю свой выход из окружения почти каждых вечер».

Вот его рассказ. «Утром 24 августа, на День Независимости, я, праздничный и побритый, пил чай с ребятами из 51-й бригады. В очередной раз слушал солдатскую байку про «Как я видел Ленина…» Ребята с Волыни, хорошие бойцы, смелые, дружные, не знаю, почему на них так потом наезжали и пресса, и начальство. Но тут, по рации на связь вышли мои бойцы со второй базы, за шесть км от нас. Они сообщили, что окружены русскими военными, значительно превосходящими их по численности и технике, и их берут в плен! И связь вырубилась. Находясь за 6 км от них, предпринять что-то было невозможно, но неподалеку была еще одна база с моими хлопцами, и я рванулся на помощь к ним. Это спасло меня, потому что сразу раздался взрыв, нас накрыли «Градами», и все ребята из 51-й, с которыми я пил чай только что, погибли. Ситуация была тревожная и непонятная – нас обстреливают, окружают, командование молчит. Вместе с комбатом минометной батареи 51-й ОМБр Анатолием мы ходили по окрестностям, смотрели, где расположился, и что предпринимает противник, чтобы хоть как-то сориентироваться в ситуации. Толик вдруг начал мне рассказывать про семью, особенно про детей, нежно и с любовью. Я не знаю наверняка, чувствуют ли люди свою скорую смерть, думаю, что Толик чувствовал, потому что через час его убило осколком от снаряда, когда в очередной раз нас поливала огнем русская артиллерия. Я понимаю теперь, что комбат из 51-й, так прощался перед смертью со своими близкими.

Нас окружили русские войска и бандформирования ДНР, и обстреливали несколько дней без продыху тяжелой артиллерией, и постоянно атаковали наши позиции. Наконец, высшее командование приняло решение выходить из окружения по «зеленому коридору», о котором договорились с русскими военачальниками. 29 августа мое подразделение вместе с 51 ОМБр в одной колоне начали движение по направлению Старобешево. Во время марша голова колоны попала в засаду. Машины стали разворачиваться, а с фланга по нам заработал крупнокалиберный пулемет. Некоторое время наш старенький ЗИЛ двигался, прикрываемый БМП, но в боевую машину пехоты влупили снарядом, она сильно загорелась, из экипажа никто не выбрался наружу, все ребята погибли. Наша большая колона, километра три длиной, смялась, потому что бойцы, стараясь уйти из зоны огневого поражения, ныряли то влево, то вправо от основной дороги, но там их уже «ждали» в засаде и расстреливали. Техника тогда у нас была «еще та» – наш старенький ЗИЛ больше 30 км в час не тянул, а так нужно было ехать быстрее! В кабине со мной рядом сидели старший солдат Васин Михаил (за рулем) и лейтенант Иван Габчак, а в кунге находились лейтенант Севостьянчик Дмитрий и раненный в ногу боец, которого мы подобрали по дороге. В кабине все вихрилось, летали осколки, свистели пули, сыпались стекла. Миша крикнул: «Лейтенант, рули!» Я увидел, что кровь заливает его лицо, он не видит дороги, я перегнулся через сидящего между нами Ивана Габчака, схватился за руль и дальше повел машину, говоря Мише, когда нажимать на сцепление. Мы подъезжали к мосту с горки, и наш ЗИЛ разогнался и покатил уже под 50 км в час. Может быть, мы и проскочили бы тот перекресток, где нас расстреляли в упор, но на дороге лежал боец с искалеченными ногами, он махал нам руками. Как ни дорога была своя жизнь, я не смог проехать по человеку, и стал притормаживать. ЗИЛ заглох вообще, и тут я услышал крик Ивана – ему пробило обе ноги, и через секунды, как-то по-особенному вскрикнул Миша. Я тогда сразу понял, что это был предсмертный крик. Точнее даже не понял, а почувствовал где-то внутри себя, что Миши уже нет в живых. Я дал команду: «Из машины!» Из кабины, вправо, выскочил сам, и выпал на перебитых ногах Ваня, а влево, выпрыгнули Дима Севостьянчик и раненный боец. Я помог Ивану доползти до кукурузного поля, чтобы хоть как-то укрыться. Оглянулся назад и увидел кровавый Ванин след, и нашу полыхающую машину!

Кукуруза на том поле не очень-то поднялась, стебли чуть больше полметра высотой. Вжавшись в землю, я смог перебинтовать Ивану ноги, и мы поползли, точнее Ваня упирался руками, а я его тащил. По нам методично били из миномета. Не знаю, сколько мы ползли, но оба окончательно выбились из сил. Лейтенант уже не мог двигаться, стонал от боли и просил его не тащить. Я оставил Ване его оружие, пистолет, себе взял еще магазин с патронами, проверил, на месте ли мои гранаты, на случай, если будут брать в плен. У меня не было никакой уверенности, что я выберусь из этого пекла, просто, сработала давняя внутренняя установка – «Никогда не сдаваться». Прощаясь, я сказал Ивану, что если прорвусь к нашим, то обязательно за ним вернемся! И пополз дальше. К сожалению, мобильный и рация не работали, они глушили всю связь, пока нас расстреливали, а от карты остался только обрывок, по которому местоположение не определишь. Я полз почти наугад, ориентируясь только по солнцу. Очень хотелось пить, все высохло во рту, я пожевал траву, стало еще хуже. За кукурузным полем было выгоревшее – здесь пришлось двигаться перебежками до ближайших зарослей. Оттуда я себе наметил клаптик высокой кукурузы, но не успел перебежать в нее, как увидел, что из ближнего села,

занятого сепаратистами, выскочил какой-то мужик и пустился рысью к моей кукурузе. Я вскинул автомат, сразу подумав, что боевики послали местных сепаров осматривать окрестности, не остался ли кто живой из украинских военных. Но рассмотрев его поближе, я понял по перепуганному виду этого мужчины, что он сам бежал прятаться от этих бандитов.

«Слава Богу! – подумал я, – что не взял греха на душу, и не выстрелил в мужика!» Я брел по полям, посадкам, быстро перекатывался через дороги, и наконец, дошел до небольшого ставочка, похожего скорее на болото.

Вода!!! Вкуснее воды, чем из этого болота, я не пил никогда в жизни. Уже ночью, ориентируясь по Полярной звезде, я подошел к речке Кальмиус, разделся, держа в руке автомат и одежду, зашел в воду. Но один неосторожный всплеск меня выдал. Сразу же раздалась пулеметная очередь – по воде возле меня легли пули, и потом досыпали из артиллерийского орудия, похоже на БМП-1.

К утру стало очень холодно, и я, сидя на корточках и стуча зубами, поспал часик. С рассветом августовское солнце быстро нагрело землю, и я смог вытянуться на траве. Глядя в небо, я увидел, что надо мной кружат вороны – после вчерашней бойни у них большая добыча!

Я поднял автомат и прицелился, стрелять бы не стал, чтобы себя не выдать, но умным птицам хватило и этого намека – они улетели. Я продолжил двигаться по полям к Старобешево, но увидел, что по дороге пошли туда русские танки, слышны были звуки боя, потом все стихло, и я понял, что Старобешево взяли.

По пути наткнулся на брошеную позицию, подошел, собрал пустые пластиковые бутылки, слил из них драгоценные остатки воды в одну бутылку, в общем, где-то стакан нацедил.

К полудню я вышел на дорогу, на которой прямо передо мной стояли КАМАЗ и БМП. Осторожно выглядывая из кювета, увидел белые полосы на машинах. Вопрос – чьи это машины?! И тут, на счастье, наконец, заработала мобильная связь! Я связался с командованием, чтобы узнать, где находятся наши?

Полковник мне очень точно и четко указал, что рядом со мной должны быть украинские КАМАЗ и БТР-связной, с белой полосой, что нам разрешили боевики собрать раненных и погибших.

Мне просто невероятно повезло, ведь спустя полтора суток блужданий я вышел прямо к ним! Сразу появиться из зарослей я не рискнул, ведь ребята на нерве, готовы ко всему, могут и пальнуть сгоряча. Прячась за кустами вдоль дороги, я отошел чуть дальше, и уже потом, открыто вышел на середину дороги. Автомат висел на ремне, шел спокойно, но сердце бешено колотилось. Бойцы насторожились и стали рассматривать меня в бинокль. Когда увидели украинский флаг на моих нашивках, то бинокль опустился, и я спросил: «Вы чьих будете?» В ответ: «А ты кто?» Но я уже подошел ближе и по лицам рассмотрел, что ребята свои, а не те уроды. Я сразу попросил хлопцев

вернуться за раненным Иваном, они передали по рации сослуживцам, которые собирали раненных и убитых, в том квадрате, где находился Ваня.

Оттуда сообщили, что там-то и там-то, в кукурузе, подобрали лейтенанта и дали его приметы. Я подтвердил, что это Иван! Но на том конце мне ответили, что Ваня – 200-й…

Прошло уже немало времени, но я все время думаю о том, все ли правильно я тогда сделал, что, может, надо было ему сделать укол обезболивающий! Вспоминаю до мельчайших подробностей, как я перебинтовал ему ноги – может, сделал что-то не так ?! И часто в голове крутится мысль: «О чем думал бедный Иван, когда умирал там, один?» Может он думал, что его бросили?!!

Я упрямо и настойчиво пробивался к своим, несмотря на полную безысходность ситуации, полагаясь только на внутреннее убеждение никогда не сдаваться. Когда я снял бронежилет, переживший со мной Иловайский расстрел, то увидел два застрявшие в нем осколка, и сердечник от пули, застрявший слева над сердцем. Тогда я понял, что чудом остался жив, потому что не сдавался!

Уже дома, в Запорожье, я пошел в храм поблагодарить Бога и поставить «батарею» свечей за упокой душ моих погибших под Иловайском ребят!

Как же я люблю тебя, Украина!
Люблю каждой своей клеточкой твою землю, бескрайние поля подсолнухов, птиц в высоком синем небе, великий Днепр, воспетый гениями в веках!
И особенно люблю твоих людей, Украина, свободных, верных, добрых, по-детски доверчивых, «з великим щирим українським серцем»!
За такую Батькивщину и жизни не жалко!

Батюшка

В Покровском соборе в начале осени появился новый батюшка. Священник, как священник – литургию служит, исповедует, проповеди хорошие говорит.

Но как-то я стала свидетельницей разговора, когда отец Константин просто и спокойно рассказывал одному прихожанину свою историю: «У нас (в Донецкой области) летом начались обстрелы, и я свою матушку и сына четырехлетнего отвез к родным – переждать обстрелы. Домой вернулся на электричке, иду по улице, ничего не подозреваю, подошел к своему дому... а дома НЕТ.

Снаряд попал прямо в дом. И дом, и вещи, все что мы с матушкой наживали вместе десять лет – разрушено. Вот так мы с семьей оказались в Запорожье, в чем были, в том и приехали».

Меня поразило глубокое смирение, с которым отец Константин говорил о своей тяжелой жизненной ситуации. В его словах не было ни гнева, ни обиды!!!

Более того, я знаю, что батюшка, сам находясь в очень стесненных обстоятельствах, всегда оказывает помощь нуждающимся. И беженцам помогает, и военным украинским, в госпитале был – проведывал раненых.

Для него нет «сторон конфликта», а есть просто люди, которым нужна помощь и поддержка ближнего.

Батюшка знает, что, когда придет время, и душа каждого человека предстанет перед Богом, то Господь не спросит, кто был прав? А спросит он: кто был милостив?!!

Автор идеи и руководитель проекта –
доцент кафедры Металлургии цветных металлов
Запорожской государственной инженерной академии
Виктория Николаевна Косенко

Художественное оформление
и компьютерный дизайн –
Роман Ляшенко, студент ЗГИА

Над рассказами работали:
– Анастасия Кравец
– Виктория Косенко
– Екатерина Матюха

Техническая поддержка – Н.А. Юсупова

Авторский коллектив выражает благодарность
военному консультанту
И.В. Неминскому